

УДК 821.133.1

Чекалов К.А.

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ В РОМАНЕ С. ДЕ СЕГЮР «ГЕНЕРАЛ ДУРАКИН»

Аннотация. В статье рассматриваются особенности репрезентации географического пространства в романе С. де Сегюр «Генерал Дуракин» (1863). Реальные топонимы взаимодействуют в книге с вымышленными, а путешествие героев в Россию, описанное крайне лаконично и безо всякой видимой ностальгии, предстает как воображаемое возвращение навсегда покинувшей родину писательницы в родовое гнездо – подмосковное имение Вороново. Личный опыт писательницы соединяется в этом описании с некоторыми топосами путевых записок побывавших в России иностранцев, а также массовой литературы.

Ключевые слова: география, роман, путешествие, имение, берлина, Санкт-Петербург, Москва, зима, массовая литература.

Сочинения графини де Сегюр (урожденной Софьи Фёдоровны Ростопчиной, 1799-1874) стали важнейшим этапом в развитии европейской детской литературы. Самой первой из опубликованных ею книг стала брошюра «Здоровье детей» (*La Santé des enfants*, 1855); за ней последовал цикл «Новые волшебные сказки» (*Nouveaux contes de fées*, 1856). После этого С. де Сегюр переключилась на написание романов и повестей; их вышло в общей сложности 18, причем нередко вначале они появлялись на страницах детского еженедельника *La Semaine des enfants*, а уже затем печатались отдельной книгой издательским домом Hachette, которому в 1859 г. писательница передала все права на свои произведения. Особняком в творчестве писательницы стоят четыре религиозных сочинения, адресованных преимущественно детской аудитории: «Детский молитвенник» (*Livre de messe pour petits enfants*, 1858), «Бабушкино Евангелие» (*L'Évangile d'une Grand-Mère*, 1866), «Деяния Апостолов» (*Les Actes des Apôtres*, 1867), «Бабушкина Библия» (*La Bible d'une Grand-Mère*, 1869); сама она – ставшая со временем

истой католичкой – придавала особое значение именно этим книгам, характеризуя собственную прозу как «неразумные сочинения» (*compositions nigaudes*) [1]. Первое полное собрание сочинений графини было опубликовано Ж.-Ж.Повером только в 1963-1972 гг. Наиболее же приближенным к академическому типу издания можно считать опубликованное в 1990 г. издательством Laffont собрание сочинений С. де Сегюр.

Все произведения графини де Сегюр написаны по-французски. Историю русских переводов ее книг следует отсчитывать с 1864 года, когда вышел в свет первый перевод самого знаменитого из сочинений писательницы, повести «*Les Malheurs de Sophie*» (1858); перевод Н.А.Ушакова именовался «Приключения Сонечки» [2]. Однако наибольшей популярностью в России пользовался другой перевод, выполненный А.А.Разимовым и именованный «Сонины проказы» (впервые – в 1869). На русском языке выходили и другие сочинения писательницы: «Записки осла» (*Mémoires d'un âne*, 1860) – в 1864 г., «Примерные девочки» (*Les petites filles modèles*, 1858) – в 1868 г., «Каникулы» (*Les Vacances*, 1859) – в 1870 г. и пр. Дореволюционные переводы, не подвергшись какой-либо правке, вошли в опубликованное издательством «Терра» в 2009 г. пятотомное собрание сочинений С. де Сегюр. Но самым ценным в этом издании является впервые опубликованный русский перевод романа «Генерал Дуракин» (переводчик Т.Чугунова); он помещен в заключительном томе.

Что касается французского языка, на котором написаны книги графини де Сегюр, то он практически не заключает в себе русизмов, калек и других характерных для творчества франкоязычных русских авторов элементов. Де Сегюр с детских лет абсолютно уверенно владела письменным французским языком, хотя и допускала небольшие орфографические вольности; например, убирала непроизносимое «t» в конце слова (*un *enfant*), произвольно убирала диакритический знак *accent circonflexe* (**bruler*, **diner*) или, напротив, не к месту вставляла его (*un *soûteau*) [3]. Больше того, Сегюр с большим тщанием стремилась воссоздать речевые особенности персонажей-простолудинов, например, садовницы мамыши Лушэ («Примерные девочки»): «*Je te vas dire, moi : t'es entrée dans le cabinet de madame pour les herbes du bain ; t'as vu la bouteille, t'as voulu goûter, t'as répandu sur ta robe tout en goûtant, t'as voulu descendre par la fenêtre, t'as tombé et t'as pas osé me le dire, parce que tu savais bien que je te régèlerais d'une bonne volée. Eh !...*». То же самое относится к детям и чужестранцам. В этом видится даже известное лингвистическое щегольство.

Графиня де Сегюр отнюдь не воспринимала свои беллетристические тексты – изначально предназначенные для «домашнего» употребления и снабженные посвящениями ее многочисленным внукам – как «альбомную» пробу пера; ее весьма энергичный отпор вторжениям издателя в текст свидетельствует о четко осознанной авторской позиции: сделать свои книги доступными широкой детской аудитории. Ее четкое стремление занять собственную литературную «нишу» позволяет понять ее отказ продолжать сотрудничать с Гюставом Доре, блистательно проиллюстрировавшим «Новые волшебные сказки» (почти одновременно с

«Озорными рассказами» Бальзака); графиня де Сегюр проникательно оценила масштаб молодого художника и вполне обоснованно опасалась, что его слава затмит ее собственную.

Особое место в творчестве писательницы занимает роман «Генерал Дуракин», впервые опубликованный в 1863 г. и ставший во Франции настоящим бестселлером, проникнутый потаенной, старательно маскируемой ностальгией и при всём своем сатирическом запале не имеющий ничего общего с антирусским памфлетом. «Генерал Дуракин» сыграл весьма значительную роль в формировании у юной зарубежной аудитории образа России. Как писал в своей статье «Неведомая Россия» известнейший мастер французской прозы XX века Франсуа Мориак, ««Генерал Дуракин»» открыл нам еще в детстве старую Россию. Он предложил нам разноцветную лубочную картинку, наивную, но такую правдивую, что по выходе из коллежа, проникая в необъятную вселенную «Войны и мира» Толстого, мы легко узнавали описываемых им персонажей» [4].

Другого рода интерес «Генерал Дуракин» вызывал у отечественного дореволюционного читателя (напомним, по цензурным соображениям русского перевода тогда не существовало). Александр Бенуа в своих мемуарах рассказывает о том, что читал сочинения графини де Сегюр именно в «полученных в наследство от сестер» переплетенных томиках *Semaine des Enfants* – и удивлялся блестящему владению автором французским языком. «Повесть про «Le Général Dourakine» была запрещена русской цензурой (особенно за тот пассаж, в котором рассказывается про порку в полицейском участке), но это лишь обостряло наслаждение от такого чтения. Ведь в русском обществе искони процветало своего рода невинное фрондирование и было принято критически относиться к правительству, в котором и стар и млад видели какой-то заговор мракобесия против просвещения» [5].

«Генерал Дуракин» (он первоначально печатался в виде фельетона на страницах «*La Semaine des enfants*», начиная с 26 сентября 1863 г.) представляет собой вторую часть своеобразной «русской дилогии» знаменитой французской писательницы (между тем, в подавляющем большинстве ее сочинений действие разворачивается на территории Франции). В первой части дилогии, «Постоялый двор Ангела-Хранителя» (*L'Auberge de l'Ange Gardien*, 1863), Дуракин постепенно – начиная с седьмой главы – выдвигается на авансцену повествования. Здесь рассказывается о прибытии во Францию, в небольшой городок под названием Луминьи, взятого в плен на Малаховом кургане русского генерала; истекающего кровью генерала спас на поле брани храбрый и благородный солдат Мутье – он извлек его из-под горы трупов. Плен оказывается для Дуракина вполне комфортным. Вместе со своим спасителем он лечится на водах в Баньоль-де-Лорне (*Bagnoles-de-l'Orne*), а затем, прихватив с собой еще одного участника Крымской войны, благодетельствованного им Дериньи (который становится «служгой, интендантом и казначеем» генерала в одном лице), а также его жену и детей, отправляется улаживать свои дела на родину.

Собственно, с путешествия Дуракина и начинается вторая часть дилогии; основная часть романа разворачивается в генеральском имении Громилино (таким образом, это единственный по-настоящему «русский» роман писательницы); заканчивается же он возвращением героев во Францию, причем по дороге им приходится сделать остановку на захолустном постоялом дворе. Здесь, у самой границы, героям романа докучают не только жесткие и неудобные кровати, но и «обилие тараканов, ужасных насекомых, обитающих в щелях деревянных стен дурно содержащихся домов» [6]. Французский исследователь Ж.Небуа-Момбе склонна усматривать в этом эпизоде «инициатическую символику» [7]: с ее точки зрения, у навсегда покидающего родину генерала естественная печаль компенсируется чувством освобождения от имманентно присущих России изъянов, что как раз и символизировано отсутствием на французской территории «ужасных насекомых». Примечательно также, что в оригинале писательница приводит именно латинскую транслитерацию русского названия насекомого – *tarakane*, хотя вполне могла бы воспользоваться французским аналогом *le safarand*; это говорит о том, что отечественный таракан вносится ею в реестр особых автохтонных реалий, нуждающихся в отдельном комментировании (как, например, «квас» – «русский напиток, несколько напоминающий сидр»; в переводе Т.Чугуновой такого рода авторские пояснения в большинстве случаев устранены как излишние с точки зрения русского читателя).

Но вернемся к началу книги. Вот как представлен в романе маршрут путешественников из Европы в Россию (журнальный и книжный варианты в этом случае абсолютно идентичны): «Ненадолго задержались в Париже, Германию проехали без остановок; неделю провели в Санкт-Петербурге, чей величественный и строгий вид не понравился никому из попутчиков старого генерала; напротив, два дня, проведенные в Москве, вызвали любопытство и восхищение путешественников. Они были бы не прочь пожить в Москве, да уж очень не терпелось генералу до наступления холодов оказаться в своем имении Громилине под Смоленском, а поскольку железной дороги туда проложено не было, из Москвы выехали всё в той же удобной и просторной берлине, приобретенной генералом в Луминьи под Домфором» [8].

На первый взгляд, путешествие протекает между двумя воображаемыми пунктами; ведь, как полагает французский исследователь С. Плесси, название «Луминьи» не идентифицируется [9]. С другой стороны, можно отметить склонность графини де Сегюр к сознательному искажению реальных топонимов. Луминьи по воле автора располагается под Донфроном (*Domfront*), а это – реально существующий населенный пункт в Нормандии; путешествие генерала на воды было, следовательно, недолгим, так как Баньоль-де-Лорн находится всего в 20 км от Донфрона. А в 45 км от Донфрона, на границе Нормандии и Бретани, расположен городок под названием Лувинье-дю-Дезер (*Louvigné-du-Désert*); не исключено, что под «Луминьи» графиня де Сегюр имела в виду именно этот топоним. Кстати, на обратном пути герои двигаются в Луминьи от Парижа через Алансон («выехав из Парижа в восемь вечера, они через Алансон прибыли в Луминьи на следующее утро, спозаранку» [10], что вполне соответствует географической логике и размещению Лувинье на оси Париж-Алансон.

Если в случае с Луминьи есть основания сделать предположение об искажении реально существующего топонима, то почему бы не распространить тот же подход и к названию русского имения Дуракина – Громилино? Правда, в Смоленской губернии населенного пункта с таким названием не обнаруживается, но зато в 10 км от подмосковного имения Вороново (владение графа Фёдора Ростопчина, где прошли детские годы писательницы) была (и есть) деревня Старогромова. Таким образом, путешествие из Луминьи в Громилино может рассматриваться как слегка замаскированное путешествие из Нормандии (где располагалась приобретенная отцом писательницы и подаренная им дочери в канун 1822 г. усадьба Нуэтт) в Вороново. Эта версия выглядит как дополнительный аргумент в пользу той распространенной трактовки романа, согласно которой прототипом Дуракина является отец писательницы, уже упоминавшийся Фёдор Васильевич Ростопчин [11]. (На некоторое сходство Нуэтт и Воронова – включая собственно архитектурную составляющую – обращают внимание многие исследователи [12]).

Что же касается названия «берлина» (в русском языке это позаимствованное из французского слово употребляется как в мужском, так и в женском роде), то оно изначально применялось по отношению к усовершенствованной, очень комфортной четырехместной карете для знати; в ней вполне можно было пускаться в дальнее путешествие. Во многих отечественных словарях «берлина» трактуется как феномен материальной культуры XVIII века, в последующем столетии постепенно уходящий в прошлое. Так, в «Русском этимологическом словаре» А.Е.Аникина указано, что к началу XIX века берлины в России практически выходят из употребления и слово «стало пейоративным, обозначая колымагу, развалюху» [13]. В.И.Даль также интерпретирует слово «берлина» как «старинная карета, рыдван, колымага» [14].

Автор романа, с учетом гастрономических пристрастий Дуракина, делает акцент на возможности транспортировать в берлине обширные запасы всевозможной снеди: «Дериньи озаботился наполнить ее многочисленные боковые карманы и кофры под сиденьями провизией и вином, которые на всем протяжении пути поддерживали доброе расположение духа путешественников» [15].

Возникает законный вопрос: почему Дуракину понадобилось ехать в Громилино из Луминьи через Петербург? Если Громилино находится в Смоленской губернии – гораздо логичнее было бы двигаться через Германию, Польшу и Белоруссию. Тем более, что генерал спешит, и ему надо оказаться в имении до наступления морозов. И всё-таки он делает огромный крюк.

Думается, здесь следует учитывать следующие обстоятельства. Путешествия французов в Россию чаще всего начинались именно с Петербурга – по той простой причине, что прибывали они морским путем. А начиная с середины XIX века, они уже имели возможность садиться на поезд Петербург-Москва (до этого средствами передвижения могли служить только тарантас,

почтовая карета или берлина), который некоторые из первых апробировавших его путешественников высоко оценили за комфортность.

Именно по морю отправился в свое первое путешествие в Россию (их было два) в июле 1841 года старший сын графини де Сегюр, Гастон; путешествие на пакетботе от Гавра до Петербурга заняло у него неделю, после чего он довольно долго почтовой каретой двигался в Москву и затем в Вороново [16]. Знаменитый Адольф Де Кюстин тоже ехал из Петербурга в Москву; как и героям графини де Сегюр, Москва ему понравилась больше, чем северная столица; разумеется, нашумевшая книга де Кюстина никак не могла не быть учтена автором «Генерала Дуракина».

Еще одно обстоятельство. Софья Федоровна Ростопчина родилась на берегах Невы; между Санкт-Петербургом и Царским Селом прошли первые годы ее жизни, затем она долго жила в Вороново, потом в приобретенных отцом домах в Сокольниках и на Лубянке; после пожара 1812 года она снова оказалась в Петербурге, а в 1817 г. в берлине отправилась во Францию (через Эмс – в Париж). В Россию она так и не вернулась и даже не хотела разговаривать с сыном на русские темы; «Генерал Дуракин» стал для нее возможностью в какой-то степени обрести утраченное время и пространство – безо всякой, правда, сентиментальности.

Принципиальная нелюбовь автора «Генерал Дуракин» к жанру травелога очевидна; некоторым контрастом в этом смысле выглядит вставной эпизод, посвященный истории мытарств беглого каторжника Романа Пожарского. Обвиненный в антирусском заговоре, Пожарский был сослан в Сибирь, но бежал оттуда и через всю Россию (двигаясь преимущественно пешком) добрался до лесов, окружающих Громилино, где и встретил, к своей радости, старого приятеля Дуракина (они прежде вместе служили на Кавказе; Пожарский являлся адъютантом Дуракина). Некоторое время, опасаясь привлечь внимание властей, он живет в имении под чужим именем, выдавая себя – благодаря прекрасному владению иностранными языками – за английского гувернера Джексона. Это, собственно, уже третья его «личина» – по пути он выдавал себя за тобольского чиновника Дмитрия Боганина. Здесь графиня де Сегюр прибегает к чрезвычайно распространенному в массовой литературе мотиву игры идентичностей. Племянница Дуракина, госпожа Поповская (самый отталкивающий из персонажей книги, в коем показное благочестие и ханжество соединяются с алчностью и злобой) вскоре начинает догадываться об истинном лице «Джексона», и генерал принимает решение взять его с собой во Францию.

Что же касается рассказа Романа о своих мытарствах, то он занимает в оригинале три главы и является образцом не слишком часто встречающейся в произведениях графини де Сегюр пространной вставной новеллы. К тому же, в ней возникает ряд пейзажных, бытовых и этнографических зарисовок, что не очень характерно для писательской манеры автора «Генерала Дуракина»: так, герой ориентируется по воткнутым в снег шестам; ночует в снегу, вырывая себе глубокую пещеру, или, подражая традиции остяков, надевает тулуп мехом наружу.

Примечательно, что графиня де Сегюр в некоторой степени «отчуждает» от себя эту вставную новеллу, прямо указывая на ее источник – книгу Руфина Пиотровского (Пётровского) «Записки сибиряка» (она была опубликована во французском переводе – а именно он и принес книге европейскую известность – в 1862 г. [17]; оригинальный текст следует датировать 1849 или 1850 г.; русский перевод вышел в 1863 году, но не в России, а в Берне; инициатором издания стал А.И.Герцен). Выходец из беднейшей шляхты и критик «московской тирании», участник восстания 1830 года, отправленный на бессрочную каторгу в 1844, Пиотровский рисует Россию как во многом варварскую страну, но при этом очень тепло отзываясь о простых русских людях, поддержавших его во время долгих и опасных скитаний.

В «Генерале Дуракине» Роман бежит из Тобольской губернии (Екатерининский завод, где он отбывал наказание), переходит по льду через Иртыш и первоначально следует по маршруту Тара – Ирбит – Боготол; затем графиня де Сегюр, предельно редуцируя географию, переносит его в Вологду и Смоленск. Здесь налицо не только пропуск важных этапов маршрута (очень обстоятельно изложенных в книге Пиотровского), но и очередная несообразность, объяснение которой следует искать в некритическом использовании первоисточника. Дело в том, что Руфин Пиотровский двигался в Архангельск с тем, чтобы там сесть на пароход, так что Вологду он действительно мог проходить (в одном из эпизодов он смешался с толпой паломников, направлявшихся на Соловки). Что же касается Романа, то ему делать столь внушительный крюк перед Смоленском было совершенно незачем, хотя графиня де Сегюр мотивирует это необходимостью найти заработки на местных мануфактурах.

Имя Романа Пожарского весьма прозрачно намекает на Руфина Пиотровского, но в нем можно усмотреть и другие смысловые пласты. Совсем не польская фамилия Пожарский, возможно, навеяна знаменитым князем Дмитрием Пожарским (войско которого, как известно, в XVII веке как раз противостояло полякам), чьи палаты располагались на Большой Лубянке – по соседству с особняком Фёдора Ростопчина. Что же касается имени «Роман», то, по замечанию Л.Робеля, оно вполне может относиться к литературному жанру, к «романическому» началу, столь явно присутствующему в этом вставном эпизоде [18]. Есть, правда, и другая версия: по Р.Содрэ, в этом имени, в котором можно расслышать название Вечного Города, на свой лад отразились католические убеждения автора книги и тема противостояния Москвы и Рима [19].

Весьма красноречивым свидетельством беспримерной популярности романа «Генерал Дуракин» является «игра в берлину» (*jeu de la berline*), описанная в автобиографическом романе Жозе Венсана (José Vincent, 1869-?) «Шпингалет» («*Petit Pène*», журнальный вариант 1904, отд. изд. 1906) [20]. Автор книги, малоизвестный католический писатель и журналист, работал хроникером в христианской газете «*La Croix*» и известен преимущественно своей монографией о Фредерике Мистрале, а также выдержанной в морализаторском духе полемикой с Морисом Барресом.

«Шпингалет» – ностальгические воспоминания Ж.Венсана о своих детских годах (70-е годы XIX в.), о детских проказах и забавах. Одна из этих забав именуется «игрой в берлину». Она напоминает широко известную у нас детскую игру в поезд: расставляются в виде квадрата кресла, а внутри остается пустое пространство, где рядами стоят табуретки, символизирующие скамейки внутри берлины. Сверху натягивается большой платок, который как бы призван защитить путешественников от российской непогоды. Один стул стоит отдельно впереди – это место кучера, которого герои Венсана упорно отождествляют с фельдъегерем. Между тем текст «Генерала Дуракина» вовсе не дает оснований для путаницы. Наряду с «кучером» (фр. cochet) здесь употребляется как синоним слово «извозчик» (izvochtchik) в его старинном значении («крестьянин, занимающийся извозом»); что же касается слова «фельдъегерь», то оно не только упоминается, но и довольно обстоятельно комментируется автором романа («род полицейского, сопровождавшего знатных особ по их просьбе в дороге и помогавшего им с обеспечением лошадьми, постоем и всем необходимым» [21]). Как видим, обилие примечаний в романе не всегда помогало читавшим книгу детям точно представить себе те или иные русские реалии.

С собой герои берут символическую провизию и символические же рубли и копейки в виде жетонов. Трое детей с матерью занимают места в берлине, причем в последнюю минуту они успевают захватить с собой зонтик от солнца (ведь, как подчеркивают участники игры, в Смоленской губернии летом бывает чрезвычайно жарко, и даже встречаются комары). Девочка по имени Ninette кричит «фельдъегерю»: «пошел», и тот на своем тарабарском языке начинает что-то лопотать, обращаясь к лошадям. И вот уже берлина отмеряет версту за верстой. За несколько минут на бешеной скорости удаётся пересечь несколько границ и добраться до Вены.

Эта часть маршрута может вызвать недоуменные вопросы: почему из Франции в Россию надлежит двигаться именно через Вену? Однако надо иметь в виду, что действие «Шпингалета» разворачивается в южнофранцузской провинции Лангедок-Русийон, в нескольких километрах от города Монпелье; если взглянуть на карту, то передвижение берлины через Австрию кажется вероятным. (Впрочем, как мы уже видели, загадки маршрута имеют место и в романе графини де Сегюр).

За Веной следует Варшава, где начинает холодать. Здесь читатель понимает, что в «игре в берлину» путешествие разворачивается зимой (чего никак нельзя сказать об оригинальном тексте, где Дуракин сотоварищи спешат приехать в Громилино до наступления морозов; возникновение зимнего антуража – не только дань топосу «Россия – страна снегов», но и, более конкретно, всё тому же вставному эпизоду о мытарствах Романа Пожарского). Дети и мама начинают согревать руки своим дыханием, а bravому «фельдъегерю» приходится противостоять метели, которая задувает ему прямо в лицо. Герои добираются до Петербурга, где довольно плотно закусывают (у Ж. Венсана съеденное ими блюдо именуется «côtelette aux pommes», то есть, скорее всего, «мясо с картошкой») и пьют по глоточку водки («в ожидании ужина в

Смоленске»). И вот они уже снова пускаются через «степь» – не по тракту Москва-Петербург, а в стороне от него.

В этот момент – как, впрочем, и следовало ожидать в соответствии с законами жанра – появляется стая волков. Мальчики достают «пистолеты», а мама и Нинетта от страха падают без чувств. Тут к волкам присоединяются вышедшие из лесу медведи. Берлина останавливается, и «фельдъегерь» вместе с юным автором книги поочередно уничтожают страшных хищников. Здесь выясняется интересная деталь: речь идет не о бурых, а о белых медведях. В записках многих из числа побывавших в нашей стране французов медведи фигурируют как привычная составляющая русской фауны; но вот что касается белых медведей, то эта подробность уже скорее может напомнить о приключениях барона Мюнхгаузена. С другой стороны, герои романа Жюль Верна «Гектор Сервадак» (1877), наблюдая за землей из космоса, видят Россию в образе «огромного полярного медведя», который повернул голову к азиатскому матерiku и «опирается левой лапой на Турцию и правой на Кавказ». А в 1859 г., в иронической рецензии на путевые заметки Теофиля Готье и Александра Дюма о России, газета «Санкт-Петербургские ведомости» писала: «Т.Готье, имеющий страсть описывать с величайшей подробностью всё встречаемое им в путешествии: виды, картины, костюмы, животных – вздумал нарисовать с натуры великолепного белого медведя, но возился с ним так долго, что медведь успел его съесть вместе с рукописью» [22].

Белые медведи неоднократно встречаются также в издевательском цикле упоминавшегося выше Гюстава Доре «История Святой Руси» (1854); по мнению Н.Т.Пахсарьян [23], есть основания назвать эту книгу ранним образцом комикса. Так, уже в самом начале книги Доре выясняется, что первый русский (по имени Польнор, от фр. *Rôle nord*, Северный полюс) родился от незаконного союза морской свиньи и белого медведя. Таким образом, белый медведь превращается в элемент мифологического образа России, насаждаемого в первую очередь массовой литературной продукцией.

Как волки, так и медведи упоминаются в «Генерале Дуракине» лишь мельком, и то лишь в связи с путешествием Романа Пожарского – которому, правда, удастся счастливо избежать встречи и с теми, и с другими: «Иногда меня будили завывания волков, но я никогда не видел и ни разу не встречал их». Здесь С. де Сегюр, в полной мере отдавшая дань «волчьей» теме в повести «Сонины проказы», скорее присоединяется к тем путешественникам по России, которые не склонны были преувеличивать опасность этих хищников. Например, Жан-Батист Мэй, автор книги «Санкт-Петербург и Россия в 1829-1830 годах», писал, что «волки способны напугать ночного путника лишь в некоторых из лесов; однако подвешенного к дуге колокольчика вполне достаточно, чтобы отвадить их» [24]. Таким образом, автор «Генерала Дуракина» здесь полемизирует и сама с собой, и с уже сложившимся к середине XIX в. универсальным русским мифом, активно эксплуатируемым массовой литературой (Ж. Верн, Понсон дю Террайль), а также и с мифом локальным, «вороновским», если и не оформившимся до конца, но имевшим тенденцию к оформлению в сознании представителей семьи де Сегюр. Вот, например, что писала

по поводу Воронова внука писательницы Арлетт де Питрэ (в России никогда не бывавшая): «там жили медведи и волки, и подчас в зимние вечера они выли под самыми окнами дворца» [25].

Как уже говорилось, в Москву герои Венсана не заезжают, а из Петербурга напрямик следуют в Смоленск. Не заезжают они, в отличие от Дуракина, в неведомый французскому читателю Гжатск Смоленской губернии; на этом «игра в берлину» заканчивается (усадебная Громилино в игре странным образом также не фигурирует).

Данный эпизод представляется чрезвычайно ценным по разным причинам. Во-первых, дети играют именно в путешествие Дуракина. Иначе говоря, в роли матрицы для игры из романа отбираются не взаимоотношения русских детей (Митеньки и Сонюшки) с французскими (Подем и Жаком), не эпизоды русского быта и не, например, обратное путешествие Дуракина во Францию, а только его начальный эпизод.

Во-вторых, путешествие подвергается активной мифологизации по сравнению с первоисточником и обретает дополнительную географическую загадочность. Всё говорит о том, что в процессе «игры в берлину» в романе усиливаются изначально уже заложенные в нем компоненты, характерные для массового чтения (о связи книг графини де Сегюр с популярным романом см. [26]).

Наконец, в-третьих, описание «игры в берлину» в книге Ж.Венсана даже более пространно, чем описание путешествия Дуракина в книге графини де Сегюр, которое отличается крайним лаконизмом.

Итак, в «Генерале Дуракине» налицо, по верному замечанию П.Пипе, «временная и пространственная размытость», если не «дезорганизация» [27]. Интересно, что в новейшем русском переводе (вполне профессионально выполненном) весь эпизод с путешествием Романа Пожарского оказался выброшенным; о причинах столь масштабной купюры остается только гадать. Как бы то ни было, стараниями издательства «Терра» знаменитая книга графини де Сегюр в еще большей степени превратилась в апологию оседлой усадебной жизни, где всякое перемещение вовне чревато опасностями (столь живописно представленными в «игре в берлину»), если не трагедией [28].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Berasatégui M. La comtesse de Ségur, ou l'art discret de la subversion.* – Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2012. – P.137.

- [2] *Сегюр С.Ф.* Приключения Сонечки. Пер. Н.А.Ушакова. СПб.: Общественная польза, 1864. – 211 с.
- [3] *Dufour H.* La comtesse de Ségur. – P.: Flammarion, 2000. – P. 472.
- [4] *Мориак Ф.* Не покоряться ночи. М.: Прогресс, 1986. – С. 34.
- [5] *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания. Кн. 1-3. – М.: Наука, 1993. – С. 235.
- [6] *Сегюр С.Ф.* Собр. соч.: в 5 т. – Т. 5. – М.: Терра, 2009. – С. 173.
- [7] *Neboit-Mombet J.* L'image de la Russie dans le roman français, 1859-1900. – Clermont-Ferrand: Presses universitaires Blaise Pasca, 2005. – P. 154.
- [8] *Сегюр С.Ф.* Собр. соч. ... С. 9-10.
- [9] *Plessix C.* Les petites villes de la comtesse de Ségur // Les petites villes françaises du XVII au XX siècle. Actes du colloque de Mamers. P.: Sorbonne, 2005. – P. 211-222.
- [10] *Сегюр С.Ф.* Собр. соч. ... С. 223.
- [11] *Legrain M.* La Comtesse de Ségur. Mots, silences et stéréotypes. – Paris: Champion, 2011. – P. 252.
- [12] *Dufour H.* La comtesse de Ségur... P. 140.
- [13] *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. – Вып. 3. – М.: Рукописные памятники Древней Руси. – 2009. – С. 137.
- [14] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : Т. 1. – М.: Русский язык, 1989. – 1743 стлб.
- [15] *Сегюр С.Ф.* Собр. соч. ... С. 10.
- [16] *Loyrette P., Strich M.-J.* Sur les pas de la comtesse de Ségur. Le voyage en Russie de Louis-Gaston de Ségur. – P.: Gallimard, 2005. – 187 p.
- [17] *Saudray R.* Le Général Dourakine et Les souvenirs d'un Sibérien. // Revue de la littérature comparée, 1992. – No 2. – P. 195-204.
- [18] *Robel L.* Histoire de la neige. La Russie dans la littérature française. – P.: Hatier, 1994. – XVI, p. 176.

- [19] *Saudray R.* Le Général Dourakine... P. 200.
- [20] *Vincent J.* Le Petit Pène : Souvenirs d'un mioche // Revue hebdomadaire. – P.: 1904. – Vol. XIII. – P. 49-66.
- [21] *Сегюр С.Ф.* Собр. соч. ... С. 167, сн. 1.
- [22] Цит. по: *Дюма А.* Путевые впечатления о России. – Т.3. – М.: Ладомир, 1993. – С. 459.
- [23] *Пахсарьян Н.Т.* «История святой Руси» Г. Доре как один из первых французских комиксов // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля : Серія «Філологічні науки». – 2012. – № 2 (4). – С. 30-34.
- [24] *May J.-B.* Saint-Petersbourg et la Russie en 1829-1830 // *Greve, Cl. de.* Le voyage en Russie. Anthologie des voyageurs francais aux XVIII et XIX siecles. – P.: Laffont, 1990. – P. 143.
- [25] *Pitray A de.* Sophie Rostopchine racontée par sa petite-fille. – P.: Albin Miche, 1939. – P. 17.
- [26] *Chabot L.* La comtesse de Ségur, une moraliste sous le Second Empire. – P.: Yvetot, 1996. – P. 91 есс.
- [27] *Pipet P.* Comtesse de Ségur. Les mystères de Sophie. – P.: L'Harmattan, 2007. – P. 229-230.
- [28] *Giacchetti C.* Le modèle des petites filles: structure familiale dans l'oeuvre de la comtesse de Ségur // Romance Quarterly. – 2003. – V. 50. – No 3. – P. 195-203.

© Чекалов К.А., 2013

Статья поступила в редакцию 15 октября 2013 г.

Чекалов Кирилл Александрович,

доктор филологических наук,

зав. Отделом классических литератур Запада

и сравнительного литературоведения,

Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН (Москва),

e-mail: ktchekalov@mail.ru

UDC 821.133.1

Chekalov K.**GEOGRAPHY FOR FUN IN SOPHIE DE SÉGUR'S "GÉNÉRAL DOURAKINE"**

Abstract. The article discusses the features of the geographic space representation in S. de Ségur's novel "Général Dourakin" (1863). In the novel the real toponyms interact with fictional ones, and characters' journey to Russia described extremely laconically and without any apparent nostalgia appears as an imaginary return of a writer who had left her homeland forever to her family nest - Voronovo estate situated near Moscow. In this description writer's personal experience combines with some toposes of travel notes written by foreigners visited Russia and with toposes of mass literature.

Key words: geography, novel, travel, homeland, berline, St. Petersburg, Moscow, winter, paraliterature.

Chekalov Kirill Aleksandrovich,

Doctor in Philology,

Head of the Department of classic literature

and comparative literature of the Federal State Budget Institution

A.M.Gorky Institute of World Literature (Moscow),

e-mail: ktchekalov@mail.ru